

Ю. А. Артамонов, А. А. Гиппиус, И. В. Зайцев

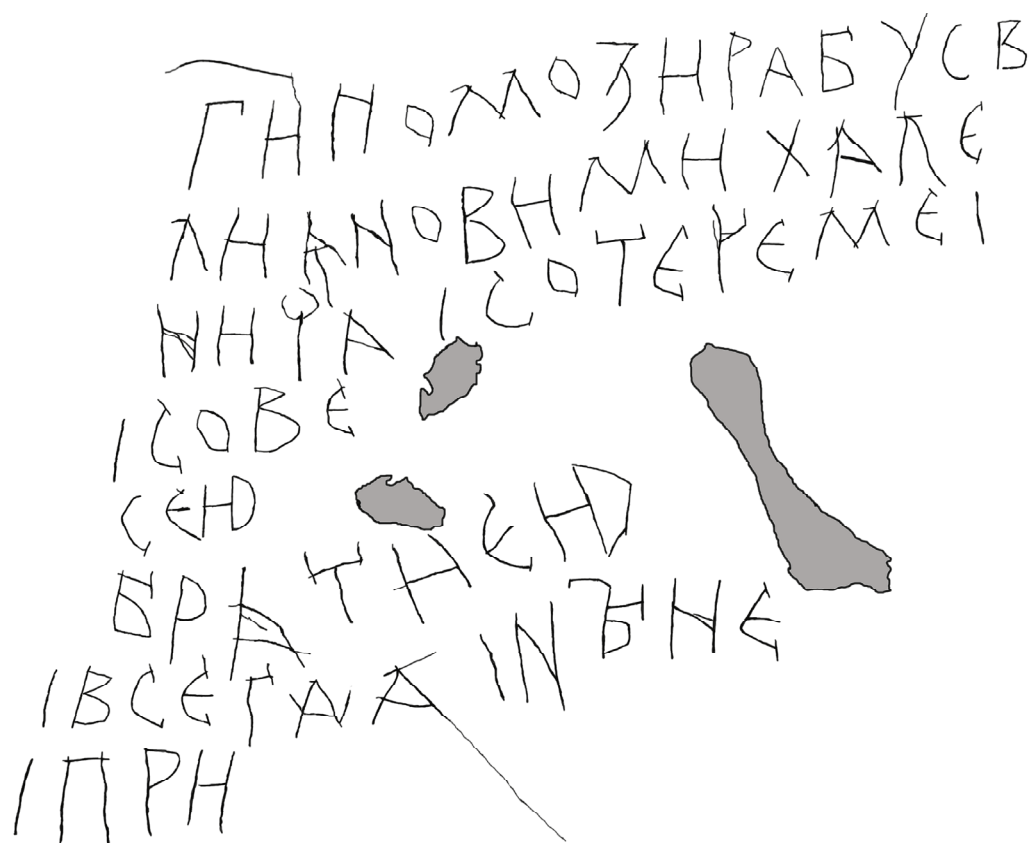
«И С ОТЦОМ, И С МАТЕРЬЮ, И СО ВСЕЮ БРАТЬЕЮ...»: ДВА
ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАФФИТО ИЗ БАЗИЛИКИ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ВИФЛЕЕМЕ

В начале ноября 2012 г. в рамках реализации научного проекта «Русское средневековое паломничество в Святую землю по данным эпиграфики» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре») авторами настоящей статьи проводились работы по выявлению надписей в базилике Рождества в Вифлееме (Израиль, Палестинская автономия). Место поисков было выбрано неслучайно. Здание храма является одной из древнейших христианских церквей в мире: в своей конструктивной основе возведенное при императоре Юстиниане Великом (527–565 г.), оно избежало серьезных разрушений и перестроек последующих эпох. С незапамятных времен базилика являлась целью многих паломников, стекавшихся сюда со всех уголков христианского мира. Свидетельством ее активного посещения являются разноязычные граффити, прочерченные на мраморных колоннах и облицовочных плитах, среди которых нами было выявлено четыре древнерусские надписи. Описание двух из них предлагается ниже¹.

Первое граффито начертано на западной стороне полуколонны, примыкающей к южной стороне пилона, фланкирующего средокрестие базилики с юго-западной стороны². Надпись расположена на высоте 106 см от базы, расстояние до западной полуколонны (слева) составляет 8 см. Окончание трех первых строк надписи в настоящий момент скрыто стеной XIX в., которая плотно пристроена к полуколонне. Длина первых трех строк граффито в сохранившейся части составляет 9,5; 9,2 и 9,2 см, последующих пяти — соответственно: 2,7; 1,5; 5,8; 8,2 и 2,3 см. Причинами сокращения текста в четвертой и пятой строках стали механические выщербины, а в шестой и седьмой — небольшое включение кальцита. Последняя, восьмая, строка надписи осталась недописанной.

¹ Уже после того, как была подготовлена настоящая статья, нам стало известно о фундаментальном проекте по выявлению и фиксации разноязычных надписей Палестины и Синая, осуществляемом в Еврейском университете Иерусалима под руководством проф. Майкла Стоуна (см.: *Rock Inscriptions and Graffiti Project: Catalogue of Inscriptions* / Ed. Michael E. Stone. Vol. 1–2. Atlanta, 1992. Vol. 3. Atlanta, 1993; благодарим проф. Яну Цеханович, обратившую наше внимание на этот проект). В опубликованном каталоге надписей (содержащем лишь сведения о них, а не сами тексты) значатся и несколько «русских» граффито в базилике Рождества в Вифлееме. Одно из них, под номером 4631, судя по описанию местонахождения, совпадает с первой публикуемой надписью. Второе граффито в каталоге проекта не значится.

² Каждый из четырех пилонов средокрестия с двух внешних сторон дополняют полуколонны, которые зрительно продолжают ряды колонн в нефях и трансепте базилики.

Палеографическое описание³. А – зеркальное (5). Б – петля с изломом (тип II). В – округлая нижняя петля (I). Г – основного вида (I). Д – на щечках, острая петля (IIIa). Е – вертикальное (II). З – правонаклонное, развилка (Iб). И – основного вида (I). І – простое, без засечек (IIa). Л – верхняя засечка (2). М – верхние засечки (2). Н – основного вида, перемычка (Ia). О – основного вида (I). П – основного вида (I). Р – округлая петля, прямая мачта (Ia). С – основного вида (I). Т – основного вида (I). У – основного вида, простое (Ia). Х – без засечек (4). Ц – зеркальное, целиком в строке (3, 4). Ч – бокальчик (Ia). Ы – высокая перемычка, молоточек (Ia, 1). Ю – основного вида (I). Ѧ – основного вида, острое (Ia).

гѣ помози рабу св...

ланови михале...

нича і с отецеи і ...

і со весею

братию

і всегда і ныне

і при

³ В основу палеографического анализа положены принципы описания графики букв в берестяных грамотах. В скобках указываются типы и виды начерков букв по палеографическим таблицам, отражающим эволюцию письма на бересте [4, с. 134–250].

Несмотря на лакуны в первых трех строках, содержание надписи может быть восстановлено. В окончании первой строки читалось продолжение слова *св(оему)* и начало имени автора надписи, заканчивающегося на *лианови*. Из форм распространенных на Руси христианских имен подходят только *Оулианови* и *Емелианови*. *Михале...* во второй строке естественно, на первый взгляд, трактовать как отчество *Михале(вичу)*, но с такой трактовкой не вяжется фрагмент *нича* в начале следующей строки. Вписать его в грамматически корректную реконструкцию можно, по-видимому, единственным способом — предположив, что на *-нича* заканчивалось отчество типа *(Ива)нича*, относившееся к имени *Михаль*, представленному в надписи притяжательным прилагательным, согласованным со следовавшим за ним существительным. На роль последнего более всего подходит слово *сынъ*. Реконструируемое сочетание *Михале(ву сыну Ива)нича* идеально отвечает правилам выражения принадлежности в древнерусском языке, представляя один из древних типов притяжательной конструкции с обозначением обладателя, выраженным словосочетанием. В такой конструкции первый член словосочетания выступает в форме притяжательного прилагательного, тогда как второй ставится в родительном падеже [9, с. 406–408].

Как способ обозначения лиц с указанием имен отца и деда, эта модель широко засвидетельствована памятниками XV в.⁴ Но она встречается и ранее: в Повести временных лет под 1097 г. — *Святоша Давыдовъ сынъ Святославича*; в Ипатьевской летописи под 1262 г. — *Прѣбборъ снъ Степановъ Родивича*⁵. В древнерусской храмовой эпиграфике данная модель до сих пор не была засвидетельствована. Ср., однако, надпись № 102 из Киевского Софийского собора, где та же конструкция выступает с опорным словом *отрокъ*: «Гѣ помози рабу своему Безоуеви Иванѣ (= <Иваню>) отроку Дѣбрынича», то есть ‘Безую, отроку Ивана Добрынича’ [2, с. 25]⁶. Нельзя исключать, что и в публикуемой надписи стояло не слово *сынъ*, а какой-то социальный термин типа *отрокъ*, *мечникъ*. Однако упоминание в тексте членов семьи писавшего (см. ниже) делает более вероятным, что он идентифицировал себя, назвав имена собственных отца и деда, а не имя и отчество своего патрона.

В зависимости от того, как звали автора надписи — Улян или Емельян, в невидимой части первой строки может быть от пяти до семи букв. Из вариантов реконструкции окончания второй строки следует поэтому — предполагая примерно равную длину первых трех строк — выбрать самый короткий, насчитывающий девять букв: *михале(ву сыну ива)|нича*. Столько же букв содержит наиболее естественная конъектура для окончания третьей строки: *і с отецме і (сѣ материю)*.

В отличие от огромного большинства древнерусских надписей молитвенного содержания, автор испрашивает у Бога помощи не для одного себя, но для всех родных, отдельно называя отца, мать и «всю братию». Эта триада находит параллель в концовке «Поучения» Владимира Мономаха: «а иже от Бога будет смерть, то ни отец, ни матери, ни братья не могут отъяти, но оче добро есть блюсти, Божие блюдоенье лѣплѣесть человеческого»⁷. Примечателен и набор имен, названных в граффито: это имя автора надписи, его отца и деда. Такая тройная самоидентификация также уникальна в древнерусской храмовой эпиграфике; между тем и она заставляет вспомнить «Поучение», на этот раз — его начало, в котором автор, называя собственное имя, поминает «благословенного и славного» деда — Ярослава, «возлюбленного» отца и мать «из рода Мономахов»⁸. Вместе зачин и концовка «Поучения» называют тот же ближний семейный круг, который очерчен и вифлеемским граффито.

⁴ См. примеры, приводимые В. К. Чичаговым: *Семен Фомин сын Даниловича* (1496), *Константин Богдан Федоров сын Юрьевича* (1522), *Русин Федоров сын Фомича* (1525–1526) [10, с. 67].

⁵ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 856. См.: [6, с. 49–51].

⁶ Буква употреблена здесь в значении ю [3, с. 266].

⁷ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 252.

⁸ Там же. Стб. 240.

Неординарность публикуемой надписи проявляется и в том, что вместо слова «аминь», которым иногда заканчиваются молитвенные граффито, она содержит развернутую заключительную формулу: «і всегда і ныне і при(сно и во веки векомъ. Аминь)». Не следует думать, что формула и надпись в целом остались недописанными: оборванные таким образом финальные молитвословия обычны для древнерусской литургической книжности. Нет необходимости объяснять личной неискушенностью автора и употребление союза *и* при всех членах этой формулы, начиная с первого (ср. канонический вид: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вековъ»). Такое же ее оформление находим, например, в новгородском служебнике XIII в.: «Ты бо еси бѣ нашъ и тебѣ славоу въсылаемъ оцю и сноу и стмоу дхоу и всегда и нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Амнь»⁹. Постановка союзов перед *всегда* и перед *нынѣ* явно объясняется здесь инерцией предшествующей части формулы: «и сноу и стмоу дхоу и всегда и нынѣ и присно...». Сходным образом строится и наше граффито, с той разницей, что в нем инерция повторения союза идет от перечисления родных автора, причем *и* стоит уже при первом члене этого ряда (*і с отцеце*).

Текст с конъектурами:

**гѣ помози рабу св(оему еми)-
лианови михале(ву сыну ива)-
нича і с отцеце і (съ материю)
і со ве-
сею
братиєю
і всегда і ныне
і при<сно
и во веки векомъ аминь>**

Надпись, несомненно, сделана выходцем из Руси. О восточнославянском происхождении автора свидетельствуют употребление *ю* в соответствии с этимологическим *jŏ* (*весею*, *братиєю*), *а* в соответствии с этимологическим [’а] (...*лианови*), а также типично древнерусская бытовая орфография с заменой этимологического *ь* на *е* (*отцеце*, *весею*) и *ѣ* на *е* (*ныне*). В берестяных грамотах расцвет бытовой орфографии приходится на XII–XIV в. Более точно датировать надпись позволяет состояние редуцированных. Сохранение неконечного слабого *ь* в *отцеце* (<отѣцьмь>) и *весею* (<вьсею>) исключает датировку позже 20-х годов XIII в.; ранним признаком является также сохранение мягкости конечного [м’], отвердение которого, произошедшее после падения редуцированных, постепенно отражается памятниками XII–XIII в. С другой стороны, слабый *ь* опущен в *всегда*, а написание с *отцеце* свидетельствует об утрате слабого редуцированного в предлоге — в берестяных грамотах такой рефлекс сочетания *ѣ* + *о* встречается со второй половины XII в.

Таким образом, по языковым признакам граффито можно отнести ко второй половине XII — началу XIII в. Данная датировка находит подтверждение в палеографии надписи. Особенности начертания букв *д* («на щечках»), *з* (правонаклонное), *м* (с верхними засечками), *ц* (буква целиком в строке), *ы* (высокая перемычка) указывают на ее выполнение в период XII–XIII в. Однако палеография *а* (зеркальное) и *і* (без засечек), а также архаическое написание буквы *в* (округлая нижняя петля) дает основание сузить хронологический интервал до 40–80-х г. XII в. Начертания остальных букв не противоречат этой датировке. Можно предположить, что надпись была выполнена до 1187 г., когда, теснимые мусульманской армией под командованием Салах-ад-Дина, крестоносцы утратили власть над Вифлеемом.

⁹ РНБ. Соф. 519. Л. 7 об. (см.: <http://byzantinorossica.org.ru/sources/sluzh/519a.pdf>).

Связи Руси со Святой Землей в это время были весьма прочными [8, с. 179–196]. В этом смысле весьма любопытным представляется следующее известие летописного сборника, приобретенного в 1894 г. Императорской Публичной библиотекой: «В лето 6671 (1163/4) г. поставиша Иоана архиепископом Новгороду. При сем ходиша во Иерусалим калицы и при князе рустем Ростиславле. Се ходиша из Великаго Новагорода от святой Софеи 40 муж калицы ко граду Иерусалиму ко Гробу Господню. И Гроб Господень целоваша и ради быша. И поидоша, взявше благословение у Патриарха и святые мощи» [7, с. 55]. Сорок новгородцев, совершив в начале 60-х годов XII в. паломничество в Палестину, принесли на Русь святые мощи и благословения (реликвии), которые получили, скорее всего, от Иерусалимского патриарха Иоанна VII (1155–1178). Эти реликвии (мощи, сосуд-копкаръ, чашу и скатерть) они потом передали храмам в Новгороде, Старой Руссе и Торжке. Не исключено, что автор вифлеемской надписи мог быть участником этого коллективного новгородского паломничества.

Вряд ли случайно, что столь яркую индивидуальную специфику обнаруживает надпись, сделанная в месте, посещение которого было одной из главных целей паломничества в Святую Землю. Отправляясь туда, русский паломник должен был чувствовать себя молитвенником за своих близких, и это ощущение как нельзя более ярко выражено в вифлеемской надписи. В семейно-родовом масштабе автор надписи выразил, в сущности, ту же духовную ответственность за оставшуюся в Руси «братию», какую — на более высоком общественном уровне — демонстрирует в заключительном пассаже своего «Хожения» игумен Даниил: «И Богъ тому послух и Святой Гробъ Господень, яко во всѣх мѣстѣх святых не забых именъ князь русских, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископъ, игумень, и боляръ, и дѣтей моихъ духовных, и всѣхъ христианъ николиже не забыл есмь; но во всѣхъ святыхъ мѣстѣхъ поминаль есмь» [5, с. 205].

Вторая публикуемая надпись начертана на западной стороне колонны (большая часть скрыта стеной XIX в.), фланкирующей окончание южной колоннады западного нефа и начало трансепта. К северу (слева) от этой колонны находится полуколонна с первой надписью, так что в интерьере храма два граффити соседствуют друг с другом. Надпись состоит из двух строк, длина первой строки составляет — 2 см, длина второй — 3,2 см.

Въ ад
прид[е] Хс̄

Палеографическое описание. А — основного вида, острое (Ia). В — нижняя петля углом вперед (1). Д — длинные ножки (3). И — основного вида (I). П — основного вида (I). Р — округлая петля, прямая мачта (Ia). С — основного вида (I). Х — без засечек (4). Ъ — округлая петля (I).

Палеография надписи позволяет отнести ее ко второй половине XI — середине XII в. На это указывает весьма древнее начертание букв *в* и *ѡ*. Написание остальных букв не противоречит этому выводу. Близкую аналогию (начертание *д*, *р*, *ѡ*) представляет граффито о мире на Желяни из Софийского собора в Киеве, которое Б. А. Рыбаков относит к 1104 г., а С. А. Высоцкий — к 1097 г. [1, с. 24–34]. Сходное написание *д* и *р* (*приде*) обнаруживаем в граффито о приходе Святополка Изяславича (1093 г.), расположенном рядом с записью о мире на Желяни.

Правее надписи поверхность колонны покрыта множественными царапинами, из-за которых неясно, следовал ли за *д* в первой строке конечный *ѣ*, или нет. После *с* во второй строке его точно не было, что для сокращенной записи слова *Христосѣ* вполне естественно.

Граффито выполнено в свободной манере, с известным эстетизмом. Различия в размере букв носят явно преднамеренный характер, особенно показательно размашистое *х*, графически объединенное со знаком титла.

Нестандартно и содержание надписи. В отличие от большинства паломнических граффити, имеющих вид «Господи помози рабоу своему...» или «*Х* писал», она представляет собой законченное богословское высказывание, навеянное, вероятно, пасхальным богослужением. Слова «*Въ адѣ приде Христосѣ*» могут рассматриваться как словесный аналог композиции «Сошествие во ад», выражающей богословское значение праздника Воскресения Христова.

Литература

1. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
2. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
3. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
4. *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 гг. Т. X. М., 2000. С. 134–250.
5. *Малето Е. И.* Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. М., 2005.
6. *Мароевић Р.* Посесивне изведенице у староруском језику. Београд, 1985.
7. *Назаренко А. В.* Крест – «Иерусалимский»? «Новгородский»? «Хильдесхаймский»? (К истории одной древнерусской паломнической реликвии) // Православный паломник. М., 2003. № 6 (13). С. 54–58.
8. *Назаренко А. В.* Русь и Святая Земля в эпоху крестовых походов // Богословские труды: Юбилейный сборник. К 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме. М., 1999. Сб. 35. С. 179–196.
9. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. III.
10. *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.